

Вычеслав Лютый в особых представлениях не нуждается. Сегодня он известен если не всей России, то читающей и пишущей — определён. Мне посчастливилось познакомиться с Вячеславом Дмитриевичем много лет назад, и с тех пор не перестаёт восхищать его умение точно, кратко, корректно и в то же время жёстко называть вещи своими именами. Как говорится, Лютый есть Лютый, зря Бог человеку фамилию не даёт. Мой собеседник — профессиональный критик, не признающий литературу самодостаточной и тем более — самодовольную, то есть никак не связанную с жизнью. И поэтому наш разговор — о жизни и месте литературы в ней.

— Вячеслав, твоя творческая и нравственно-эстетическая неприимчивость, на мой взгляд, парадоксально сочетается с человеческой тактичностью и вежливостью. Хотелось бы узнать о твоих родовых истоках. А то один поговаривают, что фамилия Лютый казачьего донского происхождения. Другие, мол, было на Руси славянского племени лютичей с князем Лютом во главе...

— Пожалуй, для критика моя фамилия слишком «говорящая», в какой-то степени даже «программная». Что касается литературной неприимчивости, то во времена девальвации главных смыслов — правды, совести, почвы, родной земли — это свойство характера соответствует эпохе. Насколько я отвечаю оттенкам такого определения, не мне судить. Однако дискутировать на низкие темы с их адептами, на мой взгляд, неправильно: тень должна знать своё место. Здесь диалог невозможен, хотя соседство высокого и низкого было всегда. Вот только прежде никому в голову не приходило говорить о небе из канавы, попутно наслаждаясь её стоками: если говоришь из бездны, в словах непременно должны присутствовать боль и горечь. Теперь же в умозрениях возобладала тенденция всё «обмерзнуть» — эта довольно точная формула прозвучала в одной телевизионной дискуссии. Сегодня в массовой культуре душевная чистота представляется «лопоухостью», верность принципам — косностью, бережливость к памяти предков — неспособностью жить идеями завтрашнего дня. И такая «помойная» палитра часто предлагается как литературное произведение. Однако стоит вспомнить слова Блока из его Пушкинской речи: «Никаких особенных искусств не имеется; не следует давать имя искусству тому, что называется не так; для того, чтобы создавать произведения искусства, надо уметь это делать». Я уже повторял не один раз эти суждения, и с каждым новым днём они звучат всё более революционно по отношению ко всякой ерунде, которую втискивают в сознание обывателя поддельные художники и их идеологии...

— Как сказал, вроде бы, Мизнер: «Критик — это человек, который объясняет изумлённому писателю смысл написанного этим писателем произведения». Это, конечно, шутка, но в ней лишь доля шутки. Как ты определяешь сверхзадачу критика? Почему занимаешься столь трудным, изматывающим, априори неблагоприятным делом, ибо истинный критик говорит правду, а правда далеко не всем нравится.

— Меня притягивает тайна личности художника и мир, который возникает в его произведениях: ведь это не объективная картинка окружающего пространства, а некий смысл, который в реальности скрыт от поверхностного взгляда. Кроме того, мною всегда владело чувство справедливости, я не люблю врать... А художественная правда невозможна без этих знаковых установок. И если я порой касаюсь литературного процесса, то мне важнее определить его тен-

денции, а не просто назвать ряд имён. Потому что, образно говоря, важнее маршрут поезда, а не именной список бригады. И здесь возникает спор литературы и жизни: что весомей? Я всегда выбирал жизнь, потому что только она способна формировать личность. А литература создаётся уже потом.

Очень часто на текст автора ложится ответ его имени, и критика начинает толковать слабые произведения действительно хорошего поэта или прозаика в каком-то смысле превратно, отыскивая в неудаче несуществующие достоинства. Или, напротив, самоуверенный критический ум не замечает главного в стихах, которые бегло просматривает его скептическое око. Это повседневная практика критики, которая забыла самоё себя: предмет изучения должен быть тебе интересен. Необходимо быть справедливым, внимательным и уметь донести до автора литературно-критическую мысль о его творении. В таком контексте я, как будто, вписываюсь в определение «объясняющего критика».

— Хотелось бы услышать имена перспективных поэтов и прозаиков, которые ещё неизвестны широкой читательской аудитории. Ведь тебя знают как человека, помогающего молодым.

— Сегодня поэты, которые были задавлены тяжким грузом 90-х годов и лишены выхода к широкому читателю, часто появляются на страницах вместе с литературной молодёжью. Но если стихи молодых отвечают внешним приметам окружающей реальности и уже потому воспринимаются доброжелательно, то строки выдающихся авторов, ушедших не так давно, почти не «узнаются» читателем. А ведь в них порой сосредоточена поэзия хрустальной прозрачности. Елена Федотова, погибшая в середине 90-х в Тверской губинке, Александр Ромахов, умерший пять лет тому назад под Воронежем, Сергей Гуляевский, скончавшийся весной 2012 года в Пензе... И другие, о которых нам неизвестно сейчас почти ничего. Рано или поздно мы извлечём их из тьмы забвения, — это наш литературный долг.

Из ныне живущих я очень люблю прозу Василия Кильякова из Подмосквы. В особенности — его исповедальные записки, уникальные по искренности. Он — автор, не часто упоминаемый в литературных журналах и газетах. Рассказы и повести молодого воронежского писателя Алексея Рыскина со временем станут известны и любимы читателями самого разного возраста. У него есть «Сказки одной недели», пронизанные фантазией и мудростью. Переключки с прошлой литературой и стилиевые акценты современности в них даны с удивительным чувством меры. Стихи Сергея Бударина из под Самары акупаются с Есениным, но в них узнаётся поэт, живущий сегодня. Стоит упомянуть и широко публикующуюся поэзию воронежца Михаила Болгова (Композтора), обладающую какой-то первозданной чистотой интонации... И ещё много-много имён, старых и молодых — волшебных поэтов, которых наше прагматическое время воспринимает как малахольных чудаков, потому что они самозабвенно влюблены в современное русское слово.

— Да уж, ныне, когда литература как бы в упор не замечается властью и почти никак финансово не поддерживается, связывать себя профессионально с трудом писателя способны, наверное, только такие вот «малахольные», которым без этого жизнь не в радость. В советское время писатели имели статус, вес, были социально защищённой категорией советских граждан. Ныне любовь к литературе стала областью духа. Скажи, а кого из критиков, классиков и современников, ты считаешь своими учителями, людьми, близкими по духу.

— Прозрачности критического суждения я учился у Пушкина. До сих пор высоко ценю Белинского, который сейчас не в моде за свои революционно-демократические взгляды, за осуждение Гоголя и т.п. Но образность, которую он привил отечественной критике, есть дар чрезвычайно весомый. Аполлон Григорьев дал мне очень много в раскованности речи, в живой подаче театральных впечатлений. Я не люблю стихи и прозу Андрея Белого, но его исследование поэтики Гоголя научило меня наблюдательности. Блок стал примером беспощадной искренности в оценках: «Надо говорить правду!». Пушкинские работы Лидии Гинзбург и Юрия Лотмана перевернули моё мировоззрение — я полюбил реализм и, наконец-то, с восторгом воспринял поэзию Твардовского, которая прежде скользила мимо моего ума и сердца. Андрей Тарковский привил мне пристальное внимание к предметам, которые никогда не бывают случайными в произведении искусства. У Акутагавы я увидел, как простые события превращаются в жизненный путь и судьбу, как безыскусные слова становятся историей человеческого горя. Публицистика и философские работы Ивана Ильина соединили меня с поч-

вой. Вот некоторые имена, которые повлияли на склад моего ума и определили направление моих чувств.

— Я уже затронула тему взаимоотношений писателя и власти. Этот вопрос интересует любого пишущего человека, а для тех, кто понимает значимость идеологической составляющей литературного творчества, он и вовсе не праздный. Что происходит с общественным статусом литературы? Почему она так унижена?

— Литература изо всех видов искусств в наибольшей степени связана с иерархией смыслов и их внятным толкованием. Именно поэтому серьёзные произведения сегодня находятся в маргинальном положении, а разного рода сочинители — от детективов и фантастики до сентиментальных женских романов и низкопробной исторической беллетристики — почитаются как метры и интеллектуалы. То, что ныне в почёте, не отвечает на вопросы измученной русской души — в таких книгах нет глубины, но может быть броскость формы, а их «привязка» к родной почве выглядит иной раз смешотворно. Однако и другие искусства испытывают такое же давление со стороны олигархата и системы власти. Эта линия проводится через соответствующих выдвинутых, возникающих порою, как чёрт из табакерки. Ближайший пример — Марат Гельман, Борис Мильграм, Анатолий Иксанов... Их фигуры множатся и складываются в конфигурацию кланов и рычагов, которые меняют направление развития культуры, вбрасывают в неё разные шарлатаны и затевают подлинных творцов... Вместе с тем, власть всё-таки не должна испытывать терпение писателя. Происходит смена поколений. И если для уходящих с литературного поля авторов государство, какое бы оно ни было, есть форма существования народа, то для новой писательской волны — детей безвременья последних двух десятилетий — вчерашние «священные коровы» подчас не значат ничего. Сегодня вы встретите в книгах, которые обозначаются издательствами как проза, и мат, и разнузданный секс, и готовность ко всему, что может выпрыснуть в кровь читателя адреналин. Но очень скоро появятся сочинения, в которых государственная власть будет опущена ниже плинтуса, ведь чиновник уже сейчас превратился в синоним ничтожества. И это будет не гневная отповедь оскорбленного героя, а общее место повествования. Уже зашаталась юстиция — в криминальных романах её иерархия показана как система порока. Появился сейчас беспощадный талант, равный по силе Салтыкову-Щедрину, государство завалилось бы на бок в течение года. Власть сегодня шарахается то от одного фактора, то от другого, но литературу понимает как нечто подконтрольное: в целом, писатели немного «бузят», но особо яростные издаются-ся мизерными тиражами и вокруг них создаётся образ не вполне адекватного «борца за справедливость». На это можно сказать только одно: писатели власть не любят — не за то, а власть писателей не боится — и зря...

— Ты уже назвал некоторые имена, которые в творческом отношении фальшивы и, скорее, являются «намыльными» искусственным паром продажными «брендами». Может ли, по-твоему, быть коммерчески успешной настоящая литература, при этом оставаясь литературой как таковой, не переходя в разряд специально созданных «брендов»? Что ни говори, коммерческая успешность может дать писателю ту независимость от власти, которая должна быть в идеале...

— Говоря о коммерческом успехе писателя, важно понимать, какие акценты отличают коммерцию сегодня. В XIX веке, когда коммерчески успешным проектом считалось издание сочинений Толстого, Чехова, Достоевского, всё было не так: нравственные оценки авторитетных писательских фигур обладали громким эхом. Кроме того, в те давние годы невозможно было представить безудержную пропаганду наживы, похоти, демонстративной кичливости своим богатством или влиянием. Сегодня истинная литература — художественная, нравственная и духовная — «торгашескому» сощуму и не нужна, и враждебна. Это не означает, что подобных писателей и книг сегодня нет — напротив, их много, однако они в координатах рыночного государства маргинальны. Чтобы истинные произведения литературы стали драгоценными для общества, необходимо менять систему мнений и приоритетов: государственных, медийных и только потом — коммерческих.

Для молодого писателя определённой объёмки может стать мысль: вот напишу сейчас роман с всемирными матерными оборотами «под реальность»; покажу читателю, что у героев в штанах; со смехом нарисую неудачу русского человека на фоне пассивной молодёжи без рода и пле-

ни — и продам с выгодой этот опус. А потом начну вещь философскую, серьёзную, без скидок на личные жизненные обстоятельства... Но после духовного падения нравственные высоты становятся, как правило, почти недоступны. И художник должен об этом помнить.

— В советское время власть фактически превратила писателей в идеологическую службу и всякое инакомыслие пресекалось в корне, мол, вот тебе кусок — заткни себе роток! Много ли наговоришь дерзостей с набитым ртом? И оно казалось, что наиболее ярким олицетворением советской литературы стали те, кто отнюдь не был «прикормлен». Тот же Рубцов, не избалованный премиями и орденами. Или Юрий Кузнецов! Упомянутым поэтам «советскость» не помешала быть и остаться русскими... А как всё-таки современным писателям выстраивать отношения с властью? Я наблюдаю сейчас в литературной среде острое писательское желание снова вернуться на дольствие режима. Возможно ли совместить творческое первородство с чечевичной похлёбкой?

— Важно определиться в самом главном: есть ли у писателя и власти общие интересы и заботы — не на словах, а в действительности? В советскую эпоху государство спускало всех собак на писателя, если он подвергал сомнению её идеологические установки. Однако в случае, когда речь шла об устройстве жизни, о социальных и природных проектах, писатели вступали в дискуссию с государственным структурами и часто в них побеждали. Достаточно вспомнить борьбу Валентина Распутина и Сергея Залыгина против поворота северных рек. Именно эпоха 60-70-х в наибольшей степени показательна как время своего рода «конкордата», соглашения между писателями и государством. Литераторы обладали серьёзным влиянием на общество и даже номенклатуру, притом не нужно было выпрыгивать из штанов для обретения семейного и творческого благополучия. Разумеется, существовало и немалое число сочинителей, которые ради успеха готовы были лизать пятки начальству и родной коммунистической партии. Но тут уж речь об искусении и готовности ему противостоять.

Теперь ситуация в корне изменилась. И если для кормления из властных рук необходимо отречься от родного языка, от нравственных норм, образования, науки, медицины — это выбор Иуды. Такая солидарность пролажного писателя и циничного государства будет проклята потомками. Но в случае уязнения некоей «охранной территории», общей для творческого человека и чиновника самого высокого ранга — взаимные шаги навстречу делать нужно.

Нет сомнений, что государство, помогая писателям, захочет их лояльности. Так вот, мера и такт, чувство перспективы и терпение, личная самоотверженность членов литературного сообщества способны повлиять на состав воздуха, которым мы сегодня дышим.

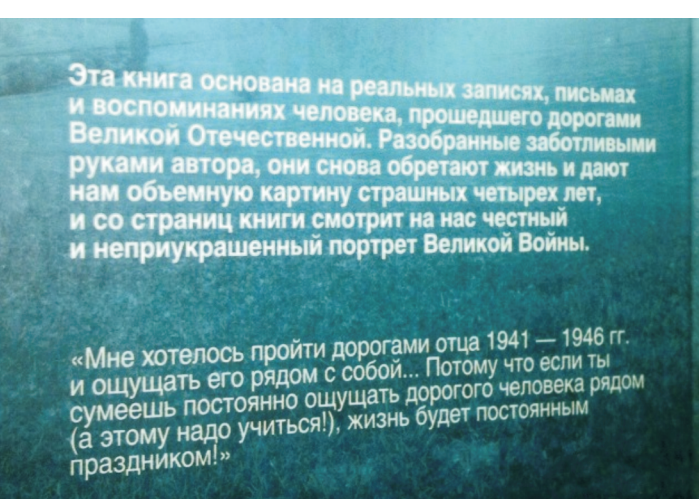
— Мне иногда не вполне понятен твой «широкоформатный» подход. Критиков в литературе и так мало, а ты время от времени покидаешь сугубо писательский «огород» и берёшься за театральную критику и телеобзоры... Зачем?

— Литература — дело книжное, слова здесь отобранные, уложенные в смысловую пачку, надо всем в произведении царит композиция. В театре каждый спектакль, сыгранный по одной и той же пьесе, отличается от предыдущего. Там есть эффект живого присутствия человека, во многом непредсказуемого, и, наверное, это и влечёт в театр. Впрочем, когда постановка оказывается игрой со смыслами, с политической, грубой низовой жизнью — в подобный театр я не пойду, а если пойду, скажу о нём всё, что думаю... Своего рода продолжением моего «хождения в театр» стали обзоры литературных передач на ТВ. Года полтора я занимался этим «чёрным» делом. Поскольку телевидение у нас лживое и циничное, то и фальшивых характеристик в разговорах о литературных новинках и именах там через край. Я старался находить хорошее и безжалостно говорить о плохом. Постоянная подмена настоящего и талантливого поддельным и ничтожным — вот характеристика материала, с которым я вынужден был работать. Занятие определённое не душеполезное, и поэтому, получив повод убраться от него, я воспринял это обстоятельство как удачный «побег с галереи».

— Для меня почти программной стала озвученная тобой мысль, что тьма есть просто отсутствие света. Если бы мы вместо того чтобы бороться с тьмой старались добавить света, тогда и тьма бы постепенно сошла на нет. Пожелаю всем нам, писателям, помнить об этом.

«Сейчас я здорово полюбил жизнь...»

Великая Отечественная война... Кажется, нет другого события в истории нашей страны, которому в литературе XX века уделялось бы столь пристальное внимание. Столько книг о ней написано, столько стихов сложено. Удивительно, но спустя 70 лет по-прежнему есть, что рассказать о тех далёких событиях уже минувшего века

своей воле» (непосредственно фронтовой дневник) и «Фантомные боли» (сын солдата после смерти отца путешествует по памятным ему местам).

В первой части повести вы не встретите привычных батальных сцен, замысловато закрученного сюжета. Но в ней вы найдёте нечто большее — то, что обычно ускользает, отодвигается на задний план в большинстве литературных произведений, посвящённых войне. Это честная оценка, которую даёт войне её непосредственный участник — солдат. Многие из того, что вы прочтёте в этой повести, вас удивит; что-то, возможно, вызовет недоумение. Книга раскрывает многие стереотипы относительно войны, которые сложились у послевоенного поколения.

Интересно, что в условиях фронта оказался молодой интеллигент, не знавший тягот войны и трудностей походной жизни. О том, как он «привыкает» к войне, как справляется с испытаниями, рассказывают его письма. Война сильно изменила Алексея Рябова — она сделала его... лучше. На фронте он научился тому, чего никогда бы не узнал и не прочувствовал в тылу, — он научился ценить жизнь: «Сейчас

я здорово полюбил жизнь. Был один момент, когда мне жизнь надоела; это было нехорошо, но это краткий отрезок времени; сейчас я от других настроений освободился полностью. За последние 13 месяцев не было ни одного дня с так называемым интеллигентским плохим настроением».

Трансформация, произошедшая с Алексеем, позволила ему писать о реалиях войны по-человечески просто, а иногда и с юмором. В своих письмах он не жалется на трудную долю, он... утешает близких, оставшихся в тылу. Его письма пронизаны волей к жизни и верой в возможность счастья, когда закончится война.

Даже на фронте автор замечает мгновения радости и своеобразное «очарование» войны.

«Немцы всё небо исполовавали трассирующими пулями. Вот зрелище! От земли к небу под различными углами тянулись красивые, синие, белые следы пуль. В воздухе на парашютах висели более яркие фонари, дающие свет на несколько километров. Разве это неинтересно?»

Здесь, на фронте, для Алексея Рябова особенно очевиден подвиг жизни, которая до последнего момента восстает и не

сдаётся под уродующим натиском войны. Территории, освобождённые от фашистов, ещё хранят следы оккупации: «...перед домами фруктовые сады, цветники, клумбы, развороченные воронками от снарядов, земля перерыта окопами. В некоторых садах стоят пушки, под колёсами которых смяты цветы: георгины, астры... Проходишь мимо и остро чувствуешь, что здесь ещё недавно кипела жизнь...»

Война в представлении Алексея Рябова одновременно жестока и красива; она способна погубить — она же придаёт силы. Но всё-таки никому автор не пожелал бы повторить этот путь. Он говорит словами Константина Симонова: «Хорош тот человек, который не видел войны».

Во второй части повести всё на-полюдно отголосками давно минувших событий, всё «дышит» войной, мельчайшая деталь связана с ней.

Как фантомную боль, ощущает Олег Рябов отсутствие рядом близкого человека — своего отца. Читая его письмо, путешествуя «его дорогами», Олег Рябов вновь обретает отца, разговаривает с ним, будто с живым: «Во всех описанных эпизодах мне мнилось, что мы с папой рядом. Но мне хотелось пройти военными дорогами отца рядом с ним и ощущать его рядом с собой в моих несурзаках, а подчас смешных поездках. Потому что если ты сумеешь постоянно ощущать дорогого тебе человека рядом (а этому надо учиться), жизнь будет постоянным праздником!»

Память об отце важна для Олега Рябова, чтобы почувствовать свою целостность — потому что человек как личность не может состоять без своей семьи. Народу нужна память о прошлом, чтобы чувствовать причастность к судьбе своей родной страны.

Опубликованная повесть «Четыре с лишним года. Военный дневник» Олег Рябов, с одной стороны, выполнил свой сыновний долг, сохранив память об отце; с другой — передал нам, потомкам, бесценное свидетельство о прошлом, в котором за каждым словом — живое горе или живая радость, и всегда — трепетная забота о людях и безусловная вера в счастье.